

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ МИРООЩУЩЕНИЯ И.А. БУНИНА В РАССКАЗАХ 1921 ГОДА

Щукина Вероника Александровна

канд. филол. наук, старший научный сотрудник, Воронежский областной литературный музей имени И.С. Никитина – РФ, г. Воронеж

ARTISTIC REFLECTION OF BUNIN'S ATTITUDE IN THE SHORT STORIES OF 1921

Veronika Shchukina

Candidate of Philological Sciences, Senior research fellow, Voronezh Regional Literary Museum named after I.S. Nikitin – Russia, Voronezh

Аннотация. В статье рассматриваются внешние и внутренние факторы, способствовавшие созданию рассказов И.А. Бунина 1921 года. Определяется, как трагическое мироощущение автора повлияло на тематику и образный строй произведений начального периода эмиграции.

Abstract. The article investigates the external and internal factors that contributed to the creation of Bunin's short stories in 1921. The paper also analyzes how author's tragic outlook influenced the themes and imaginative structure of his works of the initial period of emigration.

Ключевые слова: трагическое мироощущение; физическая смерть; духовная смерть; психологическая смерть; ностальгические мотивы.

Keywords: tragic attitude; physical death; spiritual death; psychological death; nostalgic motives.

Сложилось мнение, что в начальный период жизни в эмиграции Иван Алексеевич Бунин не создал значительных произведений, практически ничего не писал. Однако в 1921 году появились знаковые рассказы, которые особенно ценны тем, что дают точное представление о психологическом состоянии автора и выражают его отношение к произошедшим на Родине историческим событиям.

Как известно, Октябрьская революция 1917 года полностью изменила не только общественно-политическую жизнь страны, но и судьбы многих россиян. В числе тех, кто категорически не принял этого переворота, был И.А. Бунин. В дневнике 1917-1918 годов он страстно критикует оклократию: «Как возможно народоправство, если нет знания своего государства, ощущения его, – русской земли, а не своей только десятины!» [1, с. 53]. Наблюдая «дикую злобу у всех» [1, с. 47] и «озверение» [1, с. 76] народа, И.А. Бунин теряет веру в человека: «Если бы теперь и удалось вырваться куда-нибудь, Италию, например, во Францию, везде было бы противно – опротивел человек! Жизнь заставила так остро почувствовать, так остро и внимательно разглядеть его, его душу, его мерзкое тело. Что наши прежние глаза, – как мало они видели»

[4, с. 187].

Тем не менее надежда на возвращение былой жизни долгое время не покидает И.А. Бунина. Расстаться с родной страной он не спешит. В 1918 году Иван Алексеевич вместе с женой Верой Николаевной переезжает из Москвы, которая стала «так мерзка, что страшно смотреть» [1, с. 187], в Одессу, где живут многие его друзья, в том числе художник Евгений Иосифович Буковецкий (1866-1948), дом которого и становится последним пристанищем Буниных на отеческой земле.

В июле 1919 года Иван Алексеевич с сожалением отмечает в дневнике: «Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь – всё прихлопнуто, всё издохло» [2, 25. VII./7. VIII. 19]. Осознав эту горькую истину, И.А. Бунин принимает решение об эмиграции. В начале 1920 года он навсегда уезжает во Францию.

Жизнь в чужой стране на средства меценатов Цетлиных поначалу очень тяготит Ивана Алексеевича. Находясь в подавленном состоянии, он практически не может творить, лишь переиздаёт написанное ранее. Только в 1921 году появляются рассказы, в которых И.А. Бунин затрагивает ряд важных тем.

В этих произведениях на первый план выходит мотив «конца» (такое название имеет один из рассказов) – безвозвратной утери всего дорогого, всей жизни. Дневниковая запись И.А. Бунина от 21 июня 1921 года также представляет собой настоящий крик отчаяния: «И всему конец! И всё это было ведь и моя жизнь! И вот ничего, и даже последних родных никогда не увидишь! А собственно я и не заметил как следует, как погибла моя жизнь...» [3, 8/21. VI. 21. Париж].

Несомненно, танатологическая проблематика всегда привлекала И.А. Бунина. Достаточно вспомнить его известный рассказ «Господин из Сан-Франциско» (1915), в котором смерть предстаёт в двух ипостасях: как физическое умирание, выступающее в качестве социального уравнилителя, и как прижизненная бездуховность. Однако в 1921 году моральные мотивы становятся ключевыми в творчестве Ивана Алексеевича, что объясняется характерными жизненными ситуациями.

Прежде всего, многие знакомые из эмигрантского окружения И.А. Бунина в этот период теряют близких, оставшихся на Родине: «У Шмелёвых погиб единственный сын, не пожелавший уехать с врангелевцами из Крыма. Взял прямо из лазарета в Феодосии и в числе десятков тысяч офицеров, чиновников, священников расстрелян по приказу Белы Купа. У Зайцева растерзан толпой племянник, выпускник Павловского юнкерского училища, и убит сын Веры Алексеевны» [7, с. 351]. И.А. Бунин становится и свидетелем смерти незнакомых людей в Париже, что также производит на него сильное впечатление: «Как действует на меня смерть! А тут ещё и у нас в доме кто-то умер (против Карташёвых). И вот уже весь дом изменился для меня, проникся чем-то особенным, тёмным» [3, 6/19. VI. 21. Париж].

Кроме того, сам Иван Алексеевич в декабре 1920 года переносит сильный сердечный приступ: «Мысль о смерти <...> не покидала его <...> с начала осмысленной жизни, с начала творчества <...>. Но теперь он словно почувствовал её физически» [7, с. 350].

Как следствие, в рассказах 1921 года тема смерти занимает центральное место, приобретая различные интерпретации.

1) Физическая смерть

Тема физической смерти представлена в рассказе «Преображение». В центре сюжета – старая женщина, которая «зажилась и жила так долго, что казалось, никогда не будет конца её жалкому и нудному существованию» [5, с. 70]. Дети и внуки – «молодое, сильное царство» [5, с. 70] – не проявляют к ней ни малейшего интереса. Только смерть приносит старухе величие, заставляет родственников не просто заметить её, но даже устрашиться: «вчерашняя жалкая и забитая старушонка преобразилась в нечто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всём мире, в какое-то непостижимое и страшное божество – в покойницу» [5, с. 71]. Однако «преображение» происходит и с её младшим сыном Гаврило, читающим

Псалтырь перед умершей. Он неожиданно для себя ясно осознаёт, насколько «презренный в своей животности и бренности мир живых» [5, с. 73]. Тем самым смерть, лишая жизни старуху, оказывается способной духовно воскресить другого человека.

2) Духовная смерть

Тему духовной смерти общества И.А. Бунин поднимает в рассказе «Безумный художник». Фабула строится вокруг отчаянной попытки живописца, вернувшегося из-за границы, написать на Родине своё лучшее произведение: «Я должен написать вифлеемскую пещеру, написать Рождество и залить всю картину <...> таким ликованием ангелов, таким светом, чтобы это было воистину рождением нового человека» [5, с. 37]. Осуществив свою мечту, художник любуется «великолепной» картиной, не замечая её реального содержания: «На картоне же, сплошь расцвеченном, чудовищно громоздилось то, что покорило его воображение в полной противоположности его страстным мечтам. Дикое, чёрно-синее небо до зенита пылало пожарами, кровавым пламенем дымных, разрушающихся храмов, дворцов и жилищ. Дыбы, эшафоты и виселицы с удушенными чернели на огненном фоне. Над всей картиной, над всем этим морем огня и дыма, величаво, демонически высился огромный крест с распятым на нём, окровавленным страдальцем, широко и покорно раскинувшим длани по перекладинам креста. Смерть, в доспехах и зубчатой короне, оскалив свою гробную челюсть, с разбегу подавшись вперед, глубоко всадила под сердце распятого железный трезубец. Низ же картины являл беспорядочную грудку мёртвых – и свалку, грызню, драку живых, смешение нагих тел, рук и лиц. И лица эти, ощеренные, клыкастые, с глазами, выкатившимися из орбит, были столь мерзостны и грубы, столь искажены ненавистью, злобой, сладострастием братоубийства, что их можно было признать скорее за лица скотов, зверей, дьяволов, но никак не за человеческие» [5, с. 43].

Рассказ И.А. Бунина представляет собой развёрнутую метафору революционных событий на Родине. Писатель указывает на безумие тех, кому новая Россия искренне кажется «демократическим раем» [1, с. 69], тогда как в реальности является «сумасшедшим домом в аду» [1, с. 74]. Духовная смерть общества людей, у которых «в голове тьма, путаница самых противоположных вещей, в сердце – только корысть, материальное» [1, с. 89], для И.А. Бунина очевидна. Не случайно в дневнике он замечает: «Всё как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию...» [3, 6 мая (пятница) 21 года].

3) Психологическая смерть

Тема психологической смерти наиболее ярко отражена в рассказе «Конец», где И.А. Бунин описывает прощание с Родиной. Лейтмотивом по тексту проходит указание на отсутствие жизни. Повсюду царит «зловещая безлюдность» [5, с. 52]: в городе с «совершенно вымершими улицами» [5, с. 52] «не было ни одного огня, порт был пуст» [5, с. 54], «на мостовых уже лежали убитые» [5, с. 52]. Последнее, что могут рассмотреть беглецы – «мол с мёртвым, тёмным маяком» [5, с. 54].

Резкий контраст погибшей стране представляет оживлённый мир парохода, который, подобно «нвоеву ковчегу» [5, с. 54], наполнен различным «сбродом» [5, с. 55]. Поначалу пассажиры не могут понять, что живы лишь физически, поскольку уже «освободились от всяких человеческих уз, возвратились к первобытной простоте и неустроенности, к дикому образу существования» [5, с. 56]. Только на следующий день приходит ясное осознание всего происходящего: «так вот оно что – я в Чёрном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?» [5, с. 61].

Необыкновенно важная для И.А. Бунина тема Родины в рассказах 1921 года звучит особенно остро. В это время Иван Алексеевич проводит резкую границу между прежней и нынешней Россией. В его дневниковых записях 1921 года эти «страны» имеют даже различные наименования. Родина – Россия, чуждое государство – Русь: «Сон, дикий сон! Давно ли всё это было – сила, богатство, полнота жизни – и всё это было наше, наш дом, Россия!» [3, 8/21. VI. 21. Париж] VS «И как надоела всему миру своими гнустями и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая <...> Русь!» [3, 6 авг. (н. с.) 21 г. Dietenmuhle. Висбаден]. Как верно замечает

А.А. Волков, «чувствами и мыслями Бунин был нерасторжимо связан не с Россией вообще, а с Россией конца XIX века» [6, с. 281]. Действительно, ещё в стихотворении «Край без истории» (1916) Иван Алексеевич описывает древнюю «Русь киевских князей, медведей, лосей, туров» как непонятную «иноземную» страну.

Наряду с мыслями о гибели России, отражёнными в рассказе «Конец», в творчестве И.А. Бунина 1921 года доминирующую роль играют ностальгические мотивы. Яркий пример – рассказ «Косцы». В дневнике Иван Алексеевич отмечает, насколько важен для него монолог о Родине, составляющий основу этого произведения: «Нынче неожиданно начал «Косцов», хотя, пописав, после обеда, вдруг опять потух, опять показалось, что и это ничтожно, слабо, что не скажешь того, что чувствуешь, и выйдет патока, да ещё не в меру интимная, что уже спета моя песенка. Утешаю себя только тем, что и прежде это бывало, особенно перед «Господином из Сан-Франциско», хотя можно ли сравнить мои теперешние силы, и душевные и физические с силами того времени? Разве та теперь свежесть чувств, волнений!» [3, 17-го ноября (н. ст.) 1921 г.].

В этом уникальном произведении И.А. Бунину всё же удалось выразить своё трепетное отношение к Родине. Россия в рассказе «Косцы» предстаёт живым существом, частичка души которого хранится в каждом соотечественнике: «в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только её душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох берёзовом лесу» [5, с. 63].

Родина испокон веков выступает защитницей для своих «балованных» [5, с. 65] сыновей. Привыкший к этому русский человек довольно пассивен, постоянно ждёт чуда, волшебства, которое спасёт его от всех невзгод. Об этой национальной черте характера И.А. Бунин упоминает в другом рассказе 1921 года «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее», прибегая к известному фольклорному образу: «Емеля был дурак, а прожил на свете так, как дай бог всякому: не сеял, не пахал и никакой работы не знал, а на печке сытенький полёживал» [5, с. 44].

Однако в рассказе «Косцы» писатель отмечает, что даже такая сказочная идиллия может неожиданно закончиться: «Ибо всему свой срок, – миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рысучие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклания, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи – и настал конец, предел божьему прощению» [5, с. 66]. Финал произведения наполнен глубокой грустью. Не случайно 18 ноября 1921 года на литературном вечере Цетлиных «во время чтения «Косцов» <...> многие плакали» [7, с. 369].

В этом произведении снова на первый план выходит идея о том, что всё в мире имеет конец, не существует ничего постоянного. О бренности бытия в целом И.А. Бунин пишет в рассказе «Темир-Аксак-Хан», где обращается к ярчайшей исторической личности – монгольскому военачальнику Тамерлану (1336-1405), который в средневековых русских летописях именовался как Темир Аксак (Темир – «железо», Аксак – «хромец»), то есть Железный Хромец. При жизни это был «один из самых могущественных мировых правителей, знаменитых завоевателей, блестящих полководцев и хитроумных политиков. Тамерлан-Тимур создал одну из самых огромных империй в истории человечества. Его империя простиралась от реки Волги и Кавказских гор на западе до Индии на юго-западе. Центр империи был в Средней Азии, в Самарканде» [9]. Однако созданное непобедимым Тамерланом великое государство, наводящее ужас на все народы, ушло в небытие: «скоро распались все царства его, в запустение пришли города и дворцы, и прах песков замел их развалины под вечно синим, как драгоценная глазурь, небом и вечно пылающим, как адский огонь, солнцем... А-а, Темир-Аксак-Хан! Где дни и дела твои? Где битвы и победы? Где те юные, нежные, ревнивые, что любили тебя, где глаза, сиявшие, точно чёрные солнца, на ложе твоём?» [5, с. 29]. Гибель могущественной империи Тимуридов для писателя – пример печальной судьбы всех великих государств, которые с течением времени обречены на исчезновение. Именно «созерцая ток времени, гибель далёких цивилизаций, исчезновение царств <...>, Бунин словно испытывает болезненное успокоение, временное утешение своего горя» [7, с. 365].

Конечно, по верному замечанию О.Н. Михайлова, «оторванность от родины не могла не

сказаться на творческих возможностях Бунина. Эмиграция травмировала его, на время заставила замолчать, а главное – сильно ограничила его писательский диапазон и окрасила изображаемое в пессимистические тона» [8, с. 144]. Однако нельзя согласиться с тем, что в этот период «из поля зрения писателя выпала современность» [8, с. 144]. В 1921 году И.А. Бунин проявляет интерес и к социальной тематике. Так, в рассказе «Третий класс» Иван Алексеевич обращается к проблеме расового и сословного неравенства в современном ему обществе. И.А. Бунин описывает интересный случай, произошедший с ним на острове Цейлон. Речь о безуспешной попытке купить билет в вагон третьего класса: «Я твёрдо и ясно требую третий класс <...> Но мне всё-таки выкидывают билет первого класса. Я швыряю его назад – и тогда кассир вне себя от негодования и удивления, что белый человек одержим низким и безумным желанием сидеть рядом с цветным, начинает тоже кричать, пугает меня насекомыми, которых я могу набраться от цветных, главное же, наставляет меня в том, что никто, решительно никто из белых не ездит в третьем классе, что это не принято, неприлично, возмутительно!» [5, с. 26]. Оказывается, что «на этой радостной, райской земле» [5, с. 27] вырваться из классовых рамок просто невозможно.

В другом произведении 1921 года, навеянном поездкой на Цейлон, – рассказе «Ночь отречения» – И.А. Бунин размышляет уже о несовершенстве земной жизни в целом и человеческой природы в частности. Писатель обращается к образу Мары – демона-искусителя в буддийской космологии, соблазнявшего Будду и впоследствии отвлекающего людей от духовности мнимой привлекательностью земной жизни. Показательны слова учителя – «Победившего Желание» [5, с. 32] Сиддхартха Гаутама – сказанные верному ученику: «снова и снова отречёшься ты от меня ради Мары, ради сладкого обмана смертной жизни, в эту ночь земной весны» [5, с. 33]. Интересно, что, согласно буддийской философии, Мара опасен человеку только до тех пор, пока сам человек это позволяет. Однако никто не отказывается от его искушений, именно поэтому для И.А. Бунина «страшна жизнь» [3, 8/21. VI. 21. Париж] и «опротивел человек» [4, с. 187].

В 1921 году Иван Алексеевич, действительно, чувствовал некое отчуждение от мира, апатию, творческую опустошённость: «эти последние проклятые годы, может быть, уже погубившие меня, – мучения, порою отчаяние – бесплодные поиски в воображении, попытки выдумать рассказ, – хотя зачем это? – и попытки пренебречь этим» [3, 27 Окт.- 9 Ноября 1921 г.]. Такое трагическое мироощущение нашло выражение в ряде небольших произведений, которые «пронизывает чувство одиночества, полнейшей изоляции человека от ему подобных» [7, с. 364]. При этом рассказы 1921 года затрагивают ключевые для творчества И.А. Бунина темы смерти и Родины, которые в начальный период эмиграции для писателя оказываются почти идентичными.

Список литературы:

1. Бунин И.А. Дневник 1917-1918 гг. // Окаянные дни: дневник, статьи, воспоминания. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 29-90.
2. Бунин И.А. Дневник 1919 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina-12.htm> (дата обращения: 14.01.2021).
3. Бунин И.А. Дневник 1921 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina-13.htm> (дата обращения: 13.01.2021).
4. Бунин И.А. Окаянные дни // Окаянные дни: дневник, статьи, воспоминания. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 90-251.
5. Бунин И.А. Солнечный удар: сборник. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.
6. Волков А.А. Проза Ивана Бунина. – М.: Московский рабочий, 1969. – 448 с.
7. Михайлов О.Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... – М.: Центрполиграф, 2002. – 491 с.

8. Михайлов О.Н. Иван Алексеевич Бунин. Очерк творчества. – М.: Наука, 1966. – 175 с.

9. Самсонов А. Железный Хромец и его империя [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – 8 апреля 2016. – URL: <https://topwar.ru/93651-zheleznyy-hromec-i-ego-imperiya.html> (дата обращения: 15.01.2021).